
Яна Алимова
Таисья – деревенская целительница
Истории о тайнах человеческих судеб и даре исцеления
18+

Яна Алимова

Таисья - деревенская целительница

«Автор»
2026

Алимова Я.

Таисья - деревенская целительница / Я. Алимова — «Автор», 2026

В небольшой деревне живет необыкновенная женщина — Таисья. Еще в пятнадцать лет она обнаружила в себе удивительный дар, доставшийся ей по наследству. С помощью родной тетушки, потомственной целительницы, девушка научилась понимать и использовать свои способности.К Таисии приезжают из дальних деревень и соседних городов. Стоит ей закрыть глаза, как перед ней открывается то, что скрыто от остальных: прошлое человека, настоящее, порой даже будущее. Она видит причины недугов, распознает чужие тайны, помогает найти выход из безвыходных ситуаций и подсказывает дорогу тем, кто потерял веру и надежду.За каждым обращением стоит своя история, боль и своя человеческая судьба. И Таисии приходится не только исцелять, но и разбираться в хитросплетениях чужих жизней, где порой самое трудное — понять себя.Душевные, загадочные и порой совершенно невероятные истории о людях, которым посчастливилось встретить женщину, способную увидеть гораздо больше, чем открыто обычному человеческому взгляду..

© Алимова Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Там, за поворотом… 9
Крестная 11
Проклятье 18
Часть 1 18
Часть 2 21
Беженцы 23
Часть 1 23
Часть2 26
Такой путь 29
Часть 1 29
Часть 2 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Яна Алимова
Таисья - деревенская целительница

Оглавление

Таисья. Как все начиналось 3
Там, за поворотом… 6
Крестная 8
Проклятье 16
Часть 1 16
Часть 2 19
Беженцы 22
Часть 1 22
Часть2 25
Такой путь 28
Часть 1 28
Часть 2 30
Ревность 33
Тайна 37
Сестры 40
Забыть навсегда 44
Дача 47
Часть 1 47
Часть 2 52
Часть 3 56
Часть 4 58
Не убивай ребенка 61
Зэчка 66
Часть 1 66
Часть 2 68
Ген убийцы 71
Пятнадцать на двоих 76
Таблетка от старости 82
Порочный поцелуй 84
Пожар 89
Часть 1 89
Часть 2 92
Салтычиха 96
Часть 1 96
Часть 2 99
Гроза 102
Маклерша 107
Часть 1 107
Часть 2 110
Часть 3 112
Миссия выполнима 116
Таисья

.

Как все начиналось

Впервые Тася брякнула ерунду, и она оказалась правдой, когда ей было всего пятнадцать лет.

Мамина портниха, которая жила в городе, сшила Тасе брюки-бананы. И Тасина подруга, восхитившись и прицокнув языком от восторга, спросила:

— А можешь дать ее номер? Тоже такие хочу.

А Тасе не хотелось, чтобы ещё у кого-то в поселке были такие же, и она сказала первое, что пришло в голову:

— Лариска замуж выходит, платье свадебное себе шьёт, и заказов не принимает.

— Ну я после свадьбы ей закажу, — настаивала подруга.

— Так она уезжает в Ленинград, парень оттуда у неё, — выпалила Таисья первое, что взбрело в голову.

Примерно через пару недель мама за завтраком вздохнула:

— Лето на носу. Хотела пару платьев сшить, а Лара как на зло больше заказы не берет.

Тася напрягалась:

— Почему?

— Замуж выходит, платье себе шьёт.

Таисья чуть не подавилась.

— Так после свадьбы закажи, — посоветовала дочь. — Когда свадьба-то?

— Не сошьёт и после свадьбы, она сразу уезжает в Калиниград, муж будущий оттуда.

— Дежавю, или что это? — промолвила потрясённая девушка. — Только с городом промах.

— Что ты сказала? — переспросила мама, не расслышав.

— Ничего, мам. Все нормально, — Тасе стало не по себе. — А где Калининград находится?

— Там, — мама неопределенно махнула рукой. — Где Ленинград.

Тасе стало совсем нехорошо и она заметила:

— А ты мне раньше не говорила про Ларискино замужество.

— Тасенька, я сама только вчера об этом узнала. Да в чем дело? — мать тревожно глянула на вдруг побледневшую дочку.

Тася покачала головой и почему-то заплакала, ей стало страшно.

— Да что с тобой, Тасенька? — испугалась мать не на шутку.

— Не знаю, мама! — Тася обняла мать и прижалась к ней. Сердце гулко стучало, словно предвещая что-то нехорошее.

Следующее неожиданное предсказание было для одноклассницы. Гуляли они тёплым июньским днём в лесу. Подруга решила искупаться в озере.

— Ленка, не лезь, вода холодная. Проваляешься с воспалением до осени,— брякнула Тася.

Лена рассмеялась и с наслаждением нырнула в ледяную воду. Через три дня позвонила ее мама и, рыдая, сообщила, что дочку увезли на скорой. Воспаление лёгких, состояние тяжёлое. Лена болела до сентября.

Тасе снова стало страшно. Она начала наблюдать за собой и поняла, что часто приходят мысли о каких-то событиях, которые потом происходят в реальности. После истории с Ленкой девчонки стали приставать с расспросами о своём будущем.

Но Тася не могла управлять этой информацией. Она не приходила по заказу, а возникала тогда, когда девушка ожидала этого меньше всего, и контролировать это было невозможно.

Как правило, в такие моменты она не могла ответить ни на один вопрос. Девчонки обижались, называя ее гордячкой.

Когда Тасе исполнилось восемнадцать, она открылась своей тете, маминой сестре Пелагее, деревенской целительнице. Пелагея внимательно выслушала Тасю и положила ей правую ладонь на голову. Через несколько минут она сказала:

— Сила есть у тебя, и не малая. Надо пользоваться ею, но если боишься, то можно закрыть. Думай. Если станешь помогать людям, как я, то и судьба моя будет.

Тася испуганно посмотрела на тетку. Пелагея никогда не была замужем, и детей у нее не было.

— Вы имеете ввиду, что… — начала она.

Пелагея кивнула.

— Тасенька, я ждала тебя. Только я не знала, что это ты будешь. Мне видение было, и я даже уже сказала одной женщине, чтобы через двадцать лет пришла к деревенской целительнице, но не ко мне, а к такой же как я.

— А почему не к вам, тетя? — спросила Тася.

— Так меня не будет через двадцать лет.

— А где вы будете?

Пелагея не ответила на вопрос Таси, а предложила:

— Приходи ко мне завтра. Будем с тобой вместе людей принимать и сравнивать, что видим.

— Ой, — испугалась Тася, — а если я откажусь? Ну вы же сказали подумать.

— Подумай, конечно! — кивнула Пелагея. — Но знай! У тебя дар. Закроешь — болеть начнешь. А оставишь — людей от боли спасать будешь.

На следующее утро Тася сидела во дворе у Пелагеи.

Десять лет они вместе людей принимали. Сначала Пелагея позволяла Тасе работать с совсем простыми проблемами: с кем муж изменяет, ехать или нет в город. А заодно и учила, как пользоваться даром, как управлять им.

Однажды Пелагея предложила Тасе самостоятельно принять женщину, которая, была замужем уже пять лет, но не могла забеременеть.

Тася прикрыла глаза, увидела причины и задала женщине неожиданный вопрос:

— А вы не знаете, кто-нибудь в вашем роду по женской линии делал подпольные аборты?

— Нет, — ответила женщина. — Никогда не слышала. Да и вряд ли такое могло быть.

— А вы спросите у своей мамы, — предложила Тася. — Она точно знает.

Через неделю женщина пришла снова в сильном возбуждении.

— Вы оказались правы. Мама долго не хотела говорить, кричала на меня, зачем я ворошу прошлое. Но потом сдалась и рассказала, что ее бабушка делала аборты. А ещё сказала, что она принимала роды и помогла очень многим.

— Мы никого не собираемся ни в чем уличать и обвинять, — успокоила Тася женщину. — Я лишь хочу вам помочь.

— Что я должна сделать?

И информация полилась. Тася никогда не могла сказать, откуда, просто она знала, и все.

— У вас дома есть что-то, что принадлежало вашей прабабушке.

— Есть, — ошарашено сказала женщина, — деревянные ложки. А откуда вы знаете?

Тася проигнорировала вопрос, потому что ответить на него она бы не смогла. Знала и все.

— Сожгите их, — предложила она женщине.

Тася провела ещё три сеанса с этой женщиной, во время которых она устранила все оставшиеся последствия программы бесплодия.

Через полгода женщина сообщила, что забеременела.

— Восемь недель! — счастливо сообщила она.

А ещё через семь месяцев родила здорового малыша.

С Тасей они стали подругами. И, встречаясь с ней, она все время говорила:

— Спасибо тебе, что ты сделала мне ребёнка.

И обе покатывались со смеху, видя, как муж нервно кусал губы. Он устал спорить с ними, что все-таки ребенка сделал он.

После этой ситуации потянулась вереница женщин, желающих забеременеть. Большинство из них Тася просто отправляла к врачам, но у некоторых действительно были серьёзные психологические или кармические заморочки. Многим из них помогала, а некоторым помочь было невозможно. Одни смирялись, а другие угрожали, потрясали кулаками, приглашали возмущённых мужей! Мужья, как правило, грозились судом и тюрьмой.

Таисья терпеливо объясняла, что она не врач и не Господь Бог, и что не все можно поправить.

В какой-то момент у Таси стало очень хорошо получаться «отдавать замуж», и в это время тоже было много недоразумений. Приходили женщины с просьбой «приворожить любимого», но Тася сообщала, что ничем подобным она не занимается. Женщины нервничали, некоторые скандалили и требовали сделать приворот.

Иногда Тася делала длительный перерыв в работе, устав от таких скандалисток. В это время она читала накопившиеся книги, возилась в огороде или ходила на озеро.

Потом умерла тетя Пелагея, и Тася поняла, что больше ей не с кем посоветоваться, и она осталась в Заречном одна.

Долго еще приезжали в поселок к Пелагее, но, приехав, узнавали, что целительница умерла. Многие уезжали, не желая открываться совсем молодой племяннице целительницы. А некоторые оставались, а оставшись, не пожалели об этом.

Там, за поворотом…

Глеб бежал, а в голове у него звучала фраза, которую он собирался радостно выкрикнуть маме: «Исправил! Четвёрка за год!»

Мама обещала, что если не будет троек, то отвезет его в Сочи. Глеб никогда еще не был на море…

Оставался один квартал до родного двора, мальчишка завернул за угол и выскочил на дорогу.

Темно-синяя волна с ярким желтым пятном накатила на мальчика, поглотив его разом, и все померкло…

Сестра Рая осталась после похорон, но через неделю сказала, тяжело вздохнув:

— Ань, ты прости, но я больше не могу с тобой сидеть! Май заканчивается, а у меня картошка не посажена!

Аня взглянула на Раю ничего не выражающим взглядом и промямлила безразлично:

— Езжай!

— Я не могу тебя оставить, поехали со мной! — безнадежно предложила Рая и к своему удивлению увидела, что сестра кивнула.

В деревне женщина немного пришла в себя. Рая нагружала её работой по дому и в огороде.

Анна стала разговаривать, улыбаться. Иногда она ходила в лес, подолгу сидела на берегу реки.

И вот как-то вечером она сообщила сестре, что хорошо себя чувствует и готова вернуться домой, чуть помедлив, добавила:— Найду его.

— Аня, не надо! Зачем? Да как ты его найдешь? — спросила Рая.

— Не знаю! Но найду! — женщина сжала кулаки, — просто хочу посмотреть…кто он… бросил… на дороге… умирать… сыночек мой! — бедная женщина заплакала горько, безнадежно, задыхаясь и кашляя.

Рая кинулась к ней, обняла крепко.

— Слушай! — вдруг осенила идея сестру, — а пойдем к Тасе. Это целительница наша, все к ней ходят. Из города тоже приезжают. Она видит. Только завтра уже, она утром принимает.

Тася оказалась молодой, красивой, очень милой женщиной. Аня недоверчиво посмотрела на нее, а Рая легонько подтолкнула: «Иди, мол!»

Сестер Таисья приняла приветливо, заварила чаю с травами и вопросительно посмотрела на обеих.

Анна несколько раз начинала рассказ, но слезы не давали договорить. Рая закончила вместо нее.

Тася коротко кивнула и закрыла глаза. Через некоторое время она вздрогнула, и по ее щекам покатились слезы. Она тихо проговорила:

— Машина синяя, но одна дверца желтого цвета. Стоит во дворе с фонтаном!

Аня вздрогнула. Фонтан был на соседней улице.

— Иди с Богом! — Таисья перекрестила женщину. — Все у тебя будет хорошо. Только не прогоняй свое счастье, как когда-то давно.

Услышав эти слова про счастье, уже было успокоившаяся Анна разрыдалась снова. Она хотела протестовать, что-то выкрикнуть, но слова застряли в горле. Рая поблагодарила Тасю и быстро увела сестру.

Приехав в город, Аня сразу пошла во двор с фонтаном. Яркое синее пятно словно ударило наотмашь. Женщина присела на бордюр, чтобы не упасть.

К ней подошел подросток:

— Вам плохо? — беспокойно спросил он.

— Посмотри, — Аня указала на машину. — Дверца желтая?

— Да, — сразу ответил парень. — Эта семерка тети Лены.

— Тети Лены…— повторила Аня.

«Моего сына убила женщина!»

— А вон дядя Костя, её муж, — парнишка указывал на мужчину, только что вышедшего из подъезда.

В нем Аня узнала своего одноклассника.

Она встала, вцепившись в руку подростка, тот поддержал её.

В голове вихрем пронеслись школьные годы, Костя, его интерес к ней…объяснение в любви; ночь, проведенная вместе; глупая ссора, женитьба Кости на Лене, беременность, рождение Глеба, отъезд Кости и Лены за границу…

Перед Новым годом Анна узнала, что Костя с женой вернулись в родной город.

«Лена!» — имя пронзило сознание, словно вспоров его.

— Костя! — крикнула Аня.

Мужчина оглянулся и пристально посмотрел на нее.

— Простите! А мы знакомы? — Костя силился вспомнить, где он видел эту женщину.

— Твоя машина? — спросила Анна.

— Наша! — ответил мужчина. — Мы знакомы? — повторил он вопрос.

— Анна Юдина! — напомнила она ему.

— Аня!? — удивился и обрадовался Костя. — Рад тебя видеть.

— Кто был за рулем утром двадцатого мая? — Аня схватила Костю за рубашку и стала трясти.

Мужчина пытался высвободиться из цепких рук.

— В мае Лена еще ездила, но сейчас уже не водит. Она на девятом месяце.

Эти слова окатили Аню холодным душем. Она вмиг ослабела, опустила руки и медленно пошла прочь.

Костя догнал её.

— Анюта! Ты как меня нашла? Ты зачем приходила? Что случилось?

Но женщина словно не слышала его.

Прошло пару месяцев. Аня стала писать картины, и это у нее очень хорошо получалось. Она писала деревню: речку, луга, лес, домик своей сестры, сад, подсолнухи. Картины были яркие, они будто светились и исцеляли женщину. Она очень хотела написать море, но не могла. Ведь она его так и не увидела…

Как-то рано утром раздался звонок в дверь, на пороге стоял Костя с ребенком на руках.

— Ты позволишь? — спросил он.

Аня отступила в глубь квартиры, давая понять, что путь свободен.

Костя вошёл:

— Лена умерла, а это Вика…наша дочь…— тихо произнес он.

Аня вздрогнула. Несколько ночей ей снился один и тот же сон.

Она шла по берегу моря, а впереди нее бежала маленькая девочка и кричала:

— Мама, догоняй!

Аня смеялась и просила:

— Вика! Подожди меня…

Крестная

Стук в окно ранним утром разбудил Анну окончательно. Петух пропел, а вот заставить себя встать было трудно.

Виной тому бессонная ночь. А причина: скорый отъезд единственного сына. В Армию Лешку забирали, восемнадцать лет исполнилось.

У Анны был тяжелейший порок сердца. В 1961 году мало что знали именно о ее диагнозе. «Пороки разные бывают, — объяснил доктор, — про ваш сведений немного», — развёл он руками.

Анна на свой страх и риск в двадцать пять лет все-таки забеременела, и даже мужу ничего не говорила. Беременность протекала идеально, Анюта тихо радовалась. Когда животик стал виден, муж, вдруг заметив, как типично пополнела супруга, в лоб спросил:

— Когда рожать?

Анна, не ожидая вопроса, брякнула:

— К майским. Ой, — спохватилась запоздало, — Петь, боялась я тебе говорить.

— Ань, ты что? Умереть хочешь? Доктор же сказал: нельзя. Какие-то средства тебе посоветовал, чтобы ты не беременела. А ты что ж?

— Петь, будь, что будет. Без ребёночка мне жизнь не мила. У всех девок дети есть. У Ленки вона уже в школу пойдёт, а я ещё и не нянчила. Все едино мне. Что без ребёнка — смерть. Что с ним! Судьба. Все-равно умирать.

Петя вздохнул, обнял жену, прижал к себе!

— Справимся. Бог даст, все хорошо будет.

В то утро Пелагея проснулась раньше обычного. Дел много по хозяйству: корова отелилась. Так Пелагея почти все время рядом находилась. Телёнок такой потешный родился, Борькой его нарекла сразу.

Проснулась, а у калитки Петр Марченко с ноги на ногу переминается. Накинула платок, вышла.

— Тебе чего, Петь?

Пелагея и подумать не могла, что к ней мужчина когда-то придёт.

— Понимаешь, Нюрка моя понесла. Беременная…то есть!

— Рада за вас, — ответила Пелагея.

— Погоди ты поздравлять, — и Петя рассказал ей о своих терзаниях. — А ну, как умрет жена, что ж мне делать? А ребенок без матери как же?

Любил Петя Аннушку без памяти.

Пелагея глянула мимо Петра куда-то, секунд тридцать помолчала, а потом промолвила:

— Не тревожься. Живы будут оба. Только… — женщина замолчала.

— Что? Говори все, как есть. На все готов.

— Через двадцать лет новость тебе будет плохая. Не верь. Иди к такой же как я. Она все скажет и велит, как быть. Послушайся ее, хоть и молодая она будет.

— Пелагея, ничего не понял. Ты мне скажи, сейчас-то что делать? Какие двадцать лет?

— Петя, сейчас иди спокойно домой. До самой глубокой старости твоя Анна доживёт, — помолчала и добавила, — и сын тоже.

— Сын? Ты точно знаешь? — радости Петра не было предела.

Пелагея улыбнулась:

— Крестной позовёшь, не побоишься молвы?

— Не побоюсь. Все! Ты — крестная, договорились! — и убежал.

Сын Лёша родился через пять месяцев. Крестили через сорок дней. Пелагея крестной стала.

А в окошко стучала Татьяна Нежина.

«Выйди», — знаком показала она Анне. Анна выскочила на крыльцо, потому что знала, что ездила Татьяна вчера в гости к своей подруге в город. А подруга та вхожа в дом к военкому. Чего все матери в тот год и последующие десять лет боялись? Чтобы не попал сын в Афганистан, на настоящую войну.

— Ой, беда, Анька, беда, — запричитала Татьяна.

Анна схватилась за сердце, стало опять пошаливать, хотя лечение регулярно принимала. Медицина за двадцать лет далеко вперёд шагнула.

— Говори, не томи, —

прикрикнула Анна на соседку.

— Двадцать восьмая команда самая многочисленная, мой Ванька и твой Лешик в ней.

— Ну? — нервы Ани были на исходе.

— Че ну? —

и баба снова зашлась в плаче, —

в Термез их отправят.

— Ой, ну слава Богу! Чего ревешь, дура ты. Термез — наш советский город в Узбекистане.

— Сама ты дура безмозглая. Учебка там. Три месяца, и на войну. Там до Афгана рукой подать.

Анна с размаху села на скамейку рядом с домом.

— Такие сведения секретные. Не может быть, чтобы кто-то просто так раздавал, — прошептала она. Слезы вмиг брызнули из глаз.

— Таки по секрету и дали. Хочешь верь, а хочешь нет. Твоё дело, — поджала губы Татьяна и присела рядом, тоже расплакалась.

— Эх, Анютка, чего могем? Ничего. Чему быть, того не миновать.

И бабы разрыдались в голос.

Через месяц Анна получила первое письмо от сына. Хорошее, ободряющее. Очень обрадовало мать, что был на конверте адрес и номер воинской части. Хороший знак. Люди знающие говорили, что пока такой адрес, значит в Союзе сын. Очень удручало Аню и Петю, что из Термеза были письма. Шесть штук получили, и Татьяна ровно столько же получила. А седьмое Ане с номером полевой почты было. Все без слов стало понятно.

Татьяна больше не получила ни одного письма: ни из Термеза, ни из другого места.

А через пару месяцев после последнего пришёл груз двести.

Татьяна сразу умом тронулась, отвезли её в психиатрическую клинику. Вышла она оттуда через месяц абсолютно другим человеком. Да и не человеком даже. Она бесконечно повторяла, что Ване нужно купить карандаши и тетради, он в школу на днях пойдёт. И ещё форменные брюки надо. Обслуживать себя женщина не могла совсем, и ее забрала к себе старшая дочь в соседнюю деревню. Муж ушёл от неё, ещё когда она в психиатричке лежала.

Анна в ужасе перенесла все эти новости, но от Лешеньки письма приходили исправно полтора года. Бабы как-то спросили:

— Ань, а его рукой-то письма писаны?

Аня встала и тихо промолвила:

— Идите-ка домой, бабы. Подобру-поздорову.

Но как только женщины вышли за порог, кинулась к шкатулке с письмами. Просмотрела каждое, перечитала ещё раз, все до единого поцеловала.

«Лешенька пишет, мой сынок сам пишет, живой он, живой», — повторяла мать много раз.

С замиранием сердца Аня вычёркивала каждый прошедший день в календаре. Каждое письмо было праздником, особенно, когда видела сразу руку сына. Появления военных в деревне боялась, как огня, а уж если кто-то из них шёл в направлении ее дома, так сразу таблетки глотала и капли пила. Постарела Анна за эти два года, голова окончательно седой стала, на лбу глубокая морщинка скорби заложилась.

Именно в тот день, как был зачеркнут последний день в календаре, пришло письмо от Алексея, в котором сообщал он, что пришёл приказ на него о демобилизации, что буквально в течение нескольких дней отправляют их домой.

«Так что скоро ждите меня, родители мои дорогие. Всем привет от меня передавайте», — заканчивал письмо сын.

Анна пробегалась от радости по всей деревне и всем сообщила о том, что Лёша домой едет. Со всеми деревенскими разделила свою радость и стала ждать.

Неделя прошла, вот и другая к концу подходит, да только Леши нет и нет.

— Петь, ну сколько с того Афгана домой-то ехать? Месяц штоль? Почему Лешки нет до сих пор? Давай в город съездим, к военкому зайдём.

— Сам поеду завтра. Ты это... вон... за скотиной смотри! Дел тебе мало, — распетушился муж.

Потому что ездил он уже в военкомат, и сообщили ему там неприятную новость, что без вести пропали ребята в тот день, когда отправились они на двух машинах по направлению к границе. Семь демобилизованных ребят, два шофёра и офицер как в воду канули.

Не знал Петя, как Ане такое сказать. Понимал муж, что убьёт это его Анечку. Почти два года воевал их сын, ни одного ранения даже не получил, и вот в последний день что-то случилось. Душманы проклятые, наверное, расстреляли машины. Боялся он, что Аня спросит, ведь время не резиновое.

Был у Петра друг закадычный, намного старше, его уж дед Лаврентий звали. На пенсию вышел — вот и дед. Взял Пётр бутылочку беленькой и к нему направился.

— О, Петро, давай-давай, картоха готова. Зойка, стопки неси.

— Опять пьянствовать? — спросила жена Лаврентия, подбоченясь.

— Зой, ты это... не серчай... — тяжко мне... надо бы с другом погутарить.

Зоя без разговоров скрылась в хате, вынесла стопки, закуску соорудила по-быстрому. Накинула платок на плечи:

— Ну я тогда к Семеновне, а вы гутарьте, мужики.

— Ох, понятливая баба у тебя, Лавруша.

— А то, — Лаврентий любовно посмотрел вслед жене, — ну ты ж не жинку мою хвалить пришёл? Говори, что стряслось.

Пётр разлил по стопкам, махнули, и он коротко, по-мужицки, без единой слезы изложил суть вопроса. Лаврентий внимательно выслушал:

— Петь, ну так мертвым-то его никто не видел. Ждать надо, стало быть.

— Да куды ж ждать, дурья твоя башка. Говорю ж тебе, Анька заподозрила уж неладное. В город ехать требует.

— А ты скажи, съездил, мол, ничего.

— Ну ещё неделя, Лавруша, дальше что? — и Пётр тяжело опустил голову на стол и зарыдал больно и надрывно.

— Ну ты, это... Петро, слышь... не чуди... хорош выть-то! Не баба ж ты! Петро! Семёновна щас выскочит! Би-би-си, мать ее раздери. Петро, ты вот слушай! А помнишь, ты говорил, когда Анютка-то понесла, ты к Пелагее ходил, царствие ей небесное. Что она тогда тебе сказала-то?

Пётр мгновенно вскинул голову:

— Лавруша, друг ты мой любезный. Лаврушенька, да как же это я забыл-то.

И Пётр, схватив свою кепку, унёсся как ураган.

Тася уже спать укладывалась. Она рано ложилась. Людей много приходило к ней с близлежащих деревень: кто за здоровьем, кто мужа неверного вернуть, а кто и корову отыскать.

А в тот день баба Марфа привела свою сестру из соседней деревни. С дочерью беременной у неё проблемы были, и Василиса приходила с околицы. Рыдала полдня, на мужа-алкаша жаловалась. Да что ж Тася может? Ничего. Послушала, посочувствовала, никакого отклика внутри себя не услышала и отправила ни с чем.

А вот и Пётр Марченко пришёл. Вообще странность: не ходили к ней мужики. А все больше бабы, старухи, да девки незамужние.

Пётр прямо взмок весь.

«Видать что-то серьёзное у него! — догадалась Тася. — Давно бы Леше дома надо быть, а нет его. Хотела сказать — завтра приходи. Но Пётр быстро-быстро заговорил:

— Тася, давно, лет двадцать назад я к Пелагее приходил, тетке твоей. Она тогда сказала, что сын у меня родится, она крестной станет. И ты хорошо это знаешь. Лексей у нас народился, а Пелагея крестила его.

Тася кивнула головой в знак того, что помнит тетиного крестника.

— Так вот! — Пётр достал платок, шумно высморкался, вытер пот со лба и продолжил, уже помедленнее. — Еще крестная Лешкина тогда сказала к тебе прийти, когда беда… — не успел договорить Пётр, как Тася его перебила.

— Погоди, мне ж тогда лет десять было. Не пойму я чего-то.

Пётр развел руками:

— Так и сказала: иди к такой же как я, молодая она будет. Тася — ты такая же как Пелагея, да и тетка она твоя.

Тася внимательно посмотрела на Петра, а внутри все потеплело, как обычно бывало, когда могла она помощь оказать.

Рассказал все Петр, Тася внимательно выслушала, тепло внутри усиливалось, прямо жгло. Тася попросила Петра помолчать, прикрыла глаза и тут же увидела две картины. Внутреннее тепло жгло огнём.

— Медлить нельзя! — сказала Тася. — Езжай завтра же. Живой тетушкин крестник. Только он и остался живой. Расстреляли их, все погибли. Долго полз, хорошие люди помогли ему. Сейчас он в госпитале. Сам езжай, Анну не бери с собой, не выдержит она дороги. Ей правду не говори сейчас, придумай сам что-нибудь. Когда сына увидишь, ничего не бойся, все будет хорошо.

— Куда же ехать? — выдохнул Пётр.

— В Ташкент, там найдёшь сына. Не помнит он ничего, без памяти лежит.

На следующий день Пётр «уехал в город», приехал оттуда «довольный», Анна ни жива ни мертва ждала его.

— Ань, все хорошо, завтра поеду за Лешиком, они в Ташкенте застряли. Там с документами какая-то проблема. Попросили родителей приехать, — Пётр чуть помедлил и брякнул, — билет взял уже, самолётом полечу, чтобы быстрее.

По мере того, как муж выдавал информацию, у Анны округлялись глаза. Сердце материнское было спокойно, но разумом она понимала, что что-то не так.

Какую-то околесицу несёт Петька. Как такое возможно, что выполнившим интернациональный долг солдатикам нет возможности вернуться домой и родителям надо за ними лететь? Анна ещё раз прислушалась к своему сердцу, а мозг услужливо подкинул идею отправиться к деревенской целительнице, к Таисье.

Ничего не сказав мужу, она отправилась к дому Таси.

Анна поняла, что расспрашивать у Петра бесполезно, он что-то знает, но ничего не скажет. Но вот что? И откуда?

Зашла Анна во двор к Тасе. Народа уже не было у нее.

Увидев Анну, Тася растерялась. Она знала, какие вопросы задаст ей гостья. Но как ответить на них? Тася знала о серьезных проблемах со здоровьем у Аннушки.

Спросила у женщины для порядка:

— С чем пожаловала?

— Знаешь, поди, Тасенька, вопрос мой. Ни о чем другом думать не могу. Муж вроде все разузнал в городе. Сын наш где-то в Ташкенте, домой уехать не могут они. Сказали приехать и забрать детей, и билет уж взял. А у меня в голове морока, а сердце вроде спокойно. Чего удумал Петя мой? И куда ж ехать ему надо срочно?

Тася собралась с мыслями и сказала:

— Анна, скажу я тебе сразу важное. Сын твой жив! Остальное ничего не спрашивай. Мужа с миром отпусти. Прилетят домой вместе, но не сразу. Месяц ждать будешь. Так надо. Не страдай и не плачь, не отягощай душу парня слезами. Молись почаще о благополучии и здоровье. Это силу ему даст. Твоя любовь спасёт их обоих: и мужа, и сына.

— Да что же это? — слёзы брызнули из глаз Анны. — Правду мне скажи!

— Или ты глуха, Анна, стала? — со всей твердостью, какой тетушка учила спросила Тася, — сказано тебе, живой, скоро вернётся. Чего реветь? Молись, помогай, путь освобождай. Чего ещё тебе сказать? Или не веришь мне? А коли не веришь, зачем пришла?

— Не серчай, Тася! Сердце екнуло. Как же так? Месяц ждать.

— Я все сказала тебе. Добавить нечего, — Тася помолчала несколько секунд и добавила, — Аннушка, все будет хорошо. Верь мне! — обняла женщину, прижала к себе и дала ей силу, которая теплом бушевала внутри.

Анна заплакала, поблагодарила и пошла домой. Пока она шла, то чувствовала, как спокойствие разливается по всему телу, как хорошо становится на душе. Улыбка озарила лицо женщины.

Когда зашла в дом, Пётр сразу спросил встревоженно:

— Где была?

— К Тасе ходила! — честно ответила Аня.

— К какой Тасе? — как можно беззаботнее спросил Пётр, а у самого сердце готово было выпрыгнуть из груди, — к Епишиной? К однокласснице?

«Неужели выдала Тася тайну? Нет, не похоже! Вон Анюта какая довольная пришла!»

— На что мне Епишина, к целительнице нашей я ходила. К племяннице Пелагеи.

— И что же она тебе сказала? — как можно более беззаботно спросил муж. Он даже придал своему голосу насмешливости.

— Сказала, чтобы ни о чем не думала и отпустила тебя спокойно. Через месяц вас обоих увижу живыми и здоровыми. Ты, Петь, слышь-ка, коли так надолго едешь, денег с книжки сними! — заботливо промолвила Аня.

— Хорошо, — выдохнул Пётр, хотя уж вчера обо всем позаботился.

Прилетел он в Ташкент, взял такси и сразу в госпиталь военный поехал, как научила Тася.

Располагался он в части города, которая так красиво «Светланой» называлась.

Таксист-узбек разговорчивый попался, очень хорошо по-русски говорил. Расспросил обо всем Петра, понял, что не знает тот ничего, куда идти, у кого спрашивать, дальше своей деревни никогда не ездил.

— Знаешь что, — сказал узбек, Фархад его звали, — я только вчера кино смотрел, «Ты не сирота» называется, там наши в годы войны детям помогали. Давай-ка и я тебе помогу. Пропадёшь ты без меня.

У Петра не хватило слов благодарности, а он и действительно растерялся в огромном красивом городе. Правда, от аэропорта недолго ехали. Чудно, аэропорт в Ташкенте почти в центре города.

Фархад оказался одногодкой Петра. Четыре сына у него было и две дочери. Три сына отслужили уже. Один тоже в Афганистане был, правда недолго. Ранение получил серьёзное, и вот как раз-таки в этом госпитале лежал почти полгода. Всех из Афганистана туда привозили. Фархад каждый день навещал сына, знал там очень многих. И действительно мужчин очень радушно встретили.

Фархад поздоровался, ох и мудрёный язык! Чудно, обнимаются при встрече, друг друга по спине похлопывают. Совсем пожилым мужчинам Фархад даже кланялся слегка, прижимая руку к сердцу. Вот какое уважение!

И стал Фархад по-узбекски все расспрашивать о Петином сыне. И, о чудо, уже через пятнадцать минут стояли у дверей отделения, где Лёша лежал.

К ним вышел доктор, почти старик, представился, сообщил Петру, что привезли его сына в тяжелейшем состоянии. Две операции срочных в Термезе сделали, а ещё одну сложную здесь, в нейрохирургическом отделении. Пётр от такого слова вздрогнул, но доктор успокоил, сказал, что опасность миновала. И боец теперь на поправку пойдёт.

— Почему нам не сообщили? Мы его две недели ждём, чуть с ума не сошли.

— Я ничего не могу вам сказать по этому поводу. Это к военным вопрос. Мы только лечим. Он почти голый до своих добрался, ничего при нем не было, но имя и фамилию четко сказал, видимо по инстанциям со сведениями опаздывают. Ну человеческий фактор, сами понимаете. За всех у вас прошу прощения.

— Доктор, ладно. Слава Богу, живой мой сын. Могу я его увидеть, — голос Петра дрожал, срывался, лились слёзы. Он сначала сдерживался, но потом подумал, а кому оно надо, его мужество, и не стыдясь, заплакал как ребёнок.

Лёша был весь в бинтах, глаза закрыты. Какой там говорить, смотреть и шевелиться не мог! Отцу разрешили побыть недолго рядом с сыном, Пётр подумал, как хорошо, что Ани нет рядом. Она бы, конечно, не вынесла такого.

Выходили из госпиталя через пару часов. Пётр был совершенно разбит, без сил, он ничего не соображал. Как хорошо, что ему такой человек как Фархад встретился. Быстро Лешу нашли.

Фархад без разговоров усадил Петра в машину, повёз по Ташкенту. Петя очнулся спустя время:

— Куда мы едем, Фархад?

— Домой ко мне. Покушаешь, отдохнёшь хорошо, а завтра опять сюда приедем.

Дом у Фархада оказался большой, просторный. Петра вкусно накормили. Жена Фархада, Зейнап, постелила гостю на веранде, чтобы прохладнее спать было. Май, а в Ташкенте уже плюс сорок.

Следующий и все остальные дни в течение месяца Пётр ходил в клинику и проводил там почти целый день. Сын быстро шёл на поправку. «Молодой, сильный организм», — говорил врач. Но Пётр видел, что врач в недоумении.

Через две недели Лешу перевели в общую палату, а ещё через неделю выписали.

Неделю Лёша провёл в доме Фархада, наелся вдоволь клубники, черешни размером со сливу. Зейнап и Фархад были очень гостеприимны, но настала пора прощаться. Зейнап обняла Лешу, прослезилась.

— Как сын ты мне теперь! — поцеловала парня узбечка.

Домой приехали рано утром. Анна почти в обморочном состоянии встречала сына, не знала, куда усадить и чем накормить, не отходила от него до самого вечера, гладила по голове, обнимала, целовала и все время плакала.

Вечером, когда ложился спать, и Анна пришла пожелать спокойной ночи, Лёша попросил:

— Мам, присядь, хочу поделиться с тобой. Папе не решился, скажет, что умом я тронулся. Когда расстреляли нас, машина перевернулась, я очнулся и увидел рядом с собой крестную мою. Она меня вытащила из-под машины. Мам, что это было, я не знаю. Я бы не выбрался без неё, я руки ее чувствовал, она тащила меня. Мам, физически тащила, — прошептал Алексей. — Веришь?

Анна, задыхаясь от душивших её слез, кивнула. Она не могла говорить.

— И потом я полз как будто не сам, а она меня толкала, тянула, — продолжал Леша. Голос парня дрожал, он еле сдерживался, чтобы не зарыдать.

— В госпитале, когда операция шла, я разговаривал с ней. Она по голове меня гладила, и в Ташкенте всегда на кровати моей сидела.

А потом, мам, Тася пришла, её племянница, и они вместе со мной были, крестная мне песни пела.

Мамочка, ты веришь мне? Они меня спасли, — Лёша помолчал и добавил, — и твоя любовь, мамочка. Каждый день мне тебя показывали: как ты за меня молишься и ждёшь меня, — сын кинулся к матери, обнял крепко и больше не сдерживал своих слез.

На следующий день Лёша вошёл в комнату к Тасе, рассыпал цветов полевых под ноги ей, встал на колени прижался к ногам.

— Спасибо тебе, Тася, и тебе, крестная, спасибо.

Последний раз увидел он Пелагею, она стояла сзади Таси. Перекрестила размашисто крестника и исчезла.

Проклятье

Часть 1

— Изболелась вся душа у меня за тебя, — Прасковья Девятова тихонько подвывала, сидя рядом с дочерью.

Ее дочь Наталья собралась замуж за Сергея Калмыкова. Хороший парень, работящий, в армии отслужил, на ферме водителем трудился, а Наташа там же дояркой. Любовь у них приключилась, а теперь вот и свадьба на Покров назначена.

— Мама, ну хватит вам. Двадцатый век на дворе.

Это так, век-то двадцатый. Только недобрая молва шла про род Калмыковых. Да что молва? Факты говорили сами за себя.

Всегда у Калмыковых первыми рождались мальчики, но недолго жили первенцы, от силы год. Однажды один малец неожиданно три года прожил, да все едино погиб. Утонул. Не доглядел за ним дед. Старик Калмыков мальчонку с собой на рыбалку взял, тот и бултыхнулся в воду. Дед-то почти сразу его вытащил, но отходить не смог, потом и сам повесился в сарае.
— Наташа, неспокойно мне, — продолжала ныть Прасковья. — А что если и у тебя также приключится?

— Мама, вот вам палец в рот не клади, а дай всякие страсти наболтать мне под руку.

— Одна ты у меня, Наташенька! Вот и тревожусь. Сама знаешь, как мне тяжко-то было Витьку хоронить, — Прасковья утёрла набежавшие слёзы.

Наташа обняла мать.

— Ну хватит, мама, душу рвать мне и себе. Вы думаете, мне не страшно? Но я люблю Сергея. Понимаете? — Наталья немного помолчала и добавила, — все хорошо будет. Вот увидите! Бредни все это.

— Да как же бредни? — не унималась мать, — у Светки, сестры твоего Сергея, первенец четыре года назад от воспаления лёгких в три месяца помер. У Настьки, племянницы калмыковской родной, мальчонка первый тоже заболел, и нет его. Ой, да что это я? Так и у самой Лидки, матери Сергея, тоже первый мальчишка был. Так только неделю прожил, сердечко слабое было. И у сестры...

— Ну хватит, — перебила Наталья, — все это совпадения, — помолчала и добавила, — и вообще, беременная я. Не хочу я таких разговоров слышать больше.

Так и села мать.

— Как это беременная? Ты что ж с ним… Да как же это, Наташа? Да как не стыдно-то тебе до свадьбы? Да когда ж вы успели? Позорище какое, — мать, забыв о своих опасениях, стала стыдить дочь, но осеклась и спросила, — когда рожать-то тебе?

— Ой, мама, ну хватит. Какое позорище? — дочка недовольно скривилась, — Нескоро ещё рожать. Все. Ушла я, меня Серега ждёт.

Свадьбу отгуляли весёлую и богатую. Калмыковы постарались.

Прасковья одна дочь свою поднимала, муж вслед за сыном ушёл, откуда у неё деньги такие? Неудобно ей было, что вклад ее маленький, но Калмыков сразу сказал:

— Да ладно тебе, Параня, все хорошо. Все сам сделаю, не мужик я, штоль, чтобы с бабы брать?

А через шесть месяцев разрешилась Наталья сыном.

Прасковья как услышала, что мальчишка родился, взялась слёзы лить. Только ребенок рос здоровеньким, толстеньким, весёлым малышом, развивался согласно возраста, ничем не болел. И так продлилось до трёх лет.

А Прасковья все не унималась и всегда пристально смотрела на мальчишку, боялась каждого его чиха. Стоило ему чуть присмиреть, тыкала ему градусник да в горлышко заглядывала, но мальчишка был на редкость крепенький. Да и характером спокойный. Мог часами сидеть и играть в уголке. Наташа все дела переделает, а он и уснёт тихонько там же среди игрушек.

Только беда вдруг пришла, откуда и не ждали. Егорка как-то упал да синяк на ножку поставил, никто и внимания не обратил. Но синяк не проходил: месяц продержался и второй, а потом откуда ни возьмись ещё один рядом, и ещё. Не падал ребёнок и не ударялся, а синяки на нем размножались. Потом кровь из носа стала бежать по несколько раз в день. Мальчик начал таять на глазах.

Прасковья рыдала целыми днями. «Вот она расплата», — твердила она.

— Да за что расплата, мама? — не выдержала как-то Наташа. Ей тоже было очень тревожно за сынишку.

— Сама не знаю, за что. Только слова эти идут в голову и все. Расплата.

Сергей с Натальей поехали в город обследовать Егора. Сергей назад вернулся в одиночестве. Ребёнка с матерью в клинике оставили, назначили серьёзные анализы, предположили какую-то редкую болезнь крови. Вскользь упомянули, что долго не живут с таким диагнозом.

Уж как Прасковья плакала, убивалась и все причитала.

— Знала я, знала. Порченное семейство. Не надо было Наташку за него выдавать.

А спозаранку решила она к Тасе наведаться, поселковой целительнице.

— Только на тебя, Таисия надежда, — расплакалась с порога вмиг постаревшая женщина.

— Зря, не всесильная я, — ответила Тася, — знаю с чем пришла ты. Наслышана уже, весь хутор гудит. Не лекарь я, и ты тетка Прасковья лучше других это знаешь, — исподволь напомнила Тася Прасковье, как не смогла она ей с Витей помочь. Умер парень.

— Ничего не смогу сделать и помочь не могу тебе, Прасковья и в этот раз. Уходи лучше.

— Да как же это, Тася? — разрыдалась бедная женщина, — неужели умрет внучек мой любимый?

— На все воля божья, — развела руками Таисия.

Когда убитая горем Прасковья ушла, то вспомнила Тася в подробностях, как пыталась помочь кому-то из рода Калмыковых, и пошла тогда информация про проклятье какое-то. Тася совсем молодая еще была, испугалась, и вот также как Прасковью, прогнала посетительницу. Тетя Пелагея, когда учила делу своему, не велела связываться с ворожбой, проклятьями и с наговорами.

А увидела тогда Тася вот что.

Женщина из рода Чеботаревых стоит посреди двора. Беременная. В длинной юбке, уже давно таких не носят, значит, давно дело было, очень давно. Казак во двор залетел на лошади, конь на дыбы встал, женщина в ужасе лицо закрыла, а казак шашку достал и разрубил ту женщину пополам, прямо посередине удар пришёлся. Мать ее выскочила из дома, моментально умом помешалась от увиденного, но крикнуть успела вслед тому казаку:

— Будь проклят ты и твой род, но не сгинете, нет, а мучиться и страдать будете, как я сейчас страдаю, — и лишилась чувств.

Больше никто ее в здравом уме не видел. До самой смерти баба Дуня с себя невидимые нитки и волосинки снимала.

Калмыков тот казак был…

Та баба порченная была. С ним гуляла и с другим: с двумя сразу. По амбарам да сеновалам бегала, ну и забеременела, неизвестно от кого. Вот Калмыков Петька напился и распорол ее. Женился он потом, только помер его первый мальчонка, родившись. Потом жена ему много нарожала деток, и у каждого из них первенцы умирали. Так и повелось.

Тася тут же вспомнила, что уже при ней умерли трое первенцев у Калмыковых. Вот и Наташин на очереди…

Утром Таисия сама пошла к Прасковье.

— Жалко мне тебя, Прасковья. Ради тебя попробую помочь. Давно уже я увидела это… Надо к старухе Чеботаревой идти.

— Ой, — вскрикнула Прасковья, — к Чеботаревой!

Старушка та жила затворницей на краю села, всегда в чёрном ходила, ни с кем не общалась. Никого никогда близко к дому не подпускала, три цепных злющих пса охраняли дом. Так она, завидев издалека кого, спускала их с привязи.

— А почему к ней, Тасенька?

— Ничего не спрашивай. Говорю надо, значит, слушай. Хранится в сундуке у старухи крестик, и передают они его из поколения в поколение, в память о проклятье страшном, которое наложила на род одна из женщин рода Чеботаревых за то, что один из рода Калмыковых дочь её беременную зарубил!

Прасковья вскрикнула громко, рот себе двумя руками зажала, онемела от ужаса, потом немного в себя пришла.

— Так вот, Прасковья, —

сказала Тася, — чтобы снять проклятье, надо у бабы Марфы Чеботаревой прощения просить, а крест из сундука надо в церковь отнести.

— Как такое Калмыковым сказать? Поверят ли? — засомневалась Прасковья.

— Я все сказала тебе, ничего не утаила, а теперь вы сами семейно думайте. Понадобится ещё моя помощь — все, что смогу, сделаю.

В тот же день Прасковья отправилась к Лидии, матери Сергея, и все ей выложила без предисловий. Лидия выслушала.

— Подозревала я нечто подобное, Параня. Не новость для меня. А Тасе я верю. Ходила я к ней и не раз, помогала она мне всегда. А дела трудные были.

Лилия Сергея позвала, он поседел за эти дни, хотя молодой совсем был. Он выслушал женщин, не перебивая.

— Да как же идти к старухе? Псов-то своих спустит, и сгрызут они нас.

— Сама пойду, —

вызвалась Прасковья, —

Тася сказала, что нельзя Калмыковым идти, — соврала она во благо.

Часть 2

Ранним утром Прасковья пошла к старухе Чеботаревой. Упала на колени метров за пятьдесят от дома ее, чтобы она ее не увидела, и так на коленях и ползла.

Собаки забрехали, Марфа вышла во двор, подошла к калитке и увидела, что там Прасковья Девятова стоит на коленях. Марфа удивилась и спросила:

— Чего поклоны бьешь? Адресом ошиблась, у меня тут не церковь. Поднимайся давай.

Прасковья ей все как на духу и выложила.

— Умоляю, давай снесем в церковь крест твой из сундука. Христом Богом прошу тебя, —

и Прасковья снова упала к ногам Марфы и зарыдала больно и надрывно, как только на могилах рыдают.

Но Марфа презрительно глянула на Прасковью:

— Убирайся, ничего я тебе не дам. Слышать ничего не желаю.

— Мой внук умирает, Марфа. Дитя невинное. За что он расплачивается? Ну хватит уже веревке-то этой кровавой виться. Оторвать ее надо, Марфа. Умоляю тебя. Прошу тебя, мать, помоги! Сколько горя им за дурака того! Сколько смертей! И не понимает же никто, за что это. Марфа, останови это беззаконие. Пусть живут мальчишки. За что ж дети страдают-то?

— Беззаконие говоришь? — прошипела Марфа. — Весь род этот гнилой насквозь защищаешь? Нет у меня права такого останавливать. Не мной заведено, не мне и прекращать. Иди отсюда, пока собак не спустила. Ишь ты! Чего удумала? На карачках приползла! Разжалобить думала... — долго ещё бубнила старуха Чеботарева.

Да не слышала ничего Прасковья. Брела она в деревню, слёзы застилали глаза, в голове билась мысль: «Что делать? Как же быть? Как спасти ребёнка?»

За углом ее Калмыковы Лидия и Сергей поджидали.

— Ну что, Параня? — кинулась к ней Лидия. — Получились?

Только по виду женщины легко можно было понять, что зря она к Марфе сходила.

А мальчику тем временем все хуже и хуже становилось. Сергей решил пойти на преступление во имя жизни сына: выкрасть крест из дома старухи. Со стороны леса к дому Чеботаревой тропинка вела. Правда, у дома кустарник колючий рос, но это Сергея не пугало. Забор там ветхий был, легко перемахнуть можно. А дальше в окно чулана нужно будет влезть. Чулан в доме располагался.

Решил Сергей ночью влезть в дом к старухе. Конечно, он понимал, что собаки брехать начнут, но с вечера цирк можно устроить.

Сергей попросил своих ребят, чтобы они ближе к ночи песни в лесу орали. Пусть старуха думает, что молодёжь бузит. Лес общий, не посмеет выгнать, поэтому не станет она внимание на собак своих обращать. Сергей влезет к ней спокойно, а там уж, как карта ляжет.

Надо будет угрожать ей, если проснётся, он и к этому был готов. На кону стояла жизнь ребёнка. Мало Сергей верил в чудеса с проклятьем. Только всё возможное сделали уже, а ребёнок все-равно умирал, ничего ему не помогало, мальчишка таял на глазах. Врачи месяцами уж, а не годами жизнь его мерили. Потому Сергей надумал испробовать и это тоже.

В тот вечер, когда решил Сергей к Марфе в дом через задний двор залезть, у неё, как ни странно, ни одно окошко не загорелось огоньком вечерним. Ребята добросовестно орали в лесу пьяными голосами, хотя шли на дело трезвыми как стекло. Собаки брехали неистово, и не только чеботаревские, а вообще все в округе. Сергей удивился отсутствию света в доме вечером, а может повезёт ему, и Марфы вовсе в хате нет. К дочери или ещё куда уехала.

Он осторожно пробрался к дому и в заднее окошко влез. И его взору предстала ужасная картина: баба Марфа на полу лежала бездыханная. Сергей перепугался, прикоснулся к ней, тёплая, живая, слава Богу. Трясущимися руками пульс с трудом нащупал: сердце билось.

Сергея разрывал выбор. Что делать? Спасать бабу Марфу или крест искать? Сынок в больнице, помогают ему, а баба Марфа — вот она на полу лежит, умирает. Если он её сейчас бросит: убийство получится. И Сергей кинулся назад, к разбитому окошку.

Фельдшера тем же путём в дом притащил. У Чеботаревой приключился сердечный приступ. Через задний же двор, выставив раму, вынесли её из дома и отвезли в ту же клинику, где Наташа с сынишкой лежала.

Сергей тоже поехал с бабкой. Дождался, пока откачали ее, и в себя пришла. Врач ей сказал:

— Вовремя ваш внук успел, ещё бы пару часов полежали, и уже никогда не встали бы, а теперь все хорошо будет. Поживете еще.

— Да что хорошего, сынок, — вздохнула Марфа, — мне семьдесят уже.

Врач махнул рукой:

— Женщина в самом соку! Еще и замуж выйдете! — улыбнулся доктор.

Когда он вышел из палаты, бабка к себе Сергея подозвала:

— Присядь поближе. Не спрашиваю даже, зачем ко мне в дом влез, и так понятно. Если бы не влез…

Вроде старая я, а пожить ещё охота, — помолчала и добавила, — спасибо тебе, что спас меня. Легко мог бы своё дело сделать и уйти. В долгу теперь я перед тобой, — замолчала Марфа, — искупить хочу. Иди домой ко мне тем же путём, собаки не пустят иначе. Возьми в большом сундуке в красной тряпке крест завернут, отнеси его теще своей. Она знает, что делать надо.

В три часа ночи Сергей примчался к дому Марфы, привычным путём нырнул в окно. Быстро нашёл в сундуке крест, завёрнутый в тряпку. Развернул, а крест тот красоты необыкновенной, да с каменьями.

Побежал среди ночи к теще, отдал крест. Почитала Прасковья тут же молитвы все, какие знала, держа крест в руках, а утром в церковь отнесла. Целый день батюшка молился, прося у Бога спасти младенца от погибели.

Сергей на следующий день поехал в город, и вместе с женой к бабе Марфе в палату зашли. Встали на колени у её кровати

Наташа рыдала, Сергей еле сдерживался.

— Отнёс я, баба Марфа, крест. Батюшка молится. Прошу тебя, баба Марфа прости меня за предка моего, если можешь.

Баба Марфа посмотрела на Сергея долгим взглядом словно бы мимо него! Пошептала что-то, не разобрать, и сказала:

— Прощаю вас, Калмыковы, от всего рода Чеботаревых. Идите с Богом.

И именно в тот день мальчику лучше стало немного. А ещё через пару дней анализы улучшились значительно. Врачи в недоумении: не бывало такого никогда.

Через две недели Наташа с сынишкой в больничном дворе гулять стала, а ещё через время ребёнка домой выписали, но предупредили, что наблюдаться у гематолога всю жизнь придётся. Да только Наташа на все готова была, лишь бы сын выжил.

Старуха Чеботарева тоже выздоровела, дочка ее к себе забрала, больше она в деревню не вернулась.

Как-то поздно вечером сидели Прасковья и Лидия на лавочке, отдыхали после рабочего дня.

— Спасибо тебе, Параня! Прервала ты эту ужасную цепочку.

— Не я, Тасю надо благодарить.

На следующий день пришли все Калмыковы и Прасковья с ними к Таисии, поклонились ей низко в пояс! Никаких даров Тася никогда не брала, а такую благодарность людскую принимала со слезами на глазах.

Беженцы

Часть 1

Мохира и ее дочь Исти со своими двумя сыновьями были пришлыми в Заречном. Приехали в девяностые годы, купили небольшой домик на окраине.

Первое время были пугливы, людей сторонились. Обе женщины все время ходили в чёрном. Деревенские сделали вывод, что горе у них случилось, и не приставали с расспросами. Захотят, сами расскажут.

Женщины потихоньку оттаяли, стали носить более светлые одежды, но темных платков никогда не снимали. Исти была очень красивая: высокая, статная, с длинной чёрной косой, с белоснежной кожей, но абсолютно чёрными ресницами и бровями. Она вызывала восторг всех холостых парней деревни. Каждый пытался завести с ней отношения, но Исти ни с кем не то что не вступала в контакт, она даже не разговаривала. Отвечала односложно, не улыбалась, ухаживаний не принимала ни в каком виде.

На русском языке женщины говорили очень хорошо, хотя, как позже выяснили местные кумушки, приехали из Таджикистана. Работала там Мохира учительницей русского языка, потому и речь правильная была у всех. Мало того, поговаривали, что их ребята вовсю декламировали наизусть Пушкина и Есенина. Мало-помалу сельчане невольно узнавали о них информацию.

Бежали они от войны, голода и разрухи из небольшого приграничного таджикского посёлка. Про мужей своих сказали коротко. Погибли: и муж Мохиры, отец Исти, и муж Исти, отец ее двух мальчишек. Устроились женщины работать на ферму, трудились ударно.

Работал на ферме в то время механизатором Андрей Чеботарев. Хороший парень, двадцать шесть лет ему было, а все неженат.

Вот он по-настоящему влюбился в Исти, но она бегала от парня как черт от ладана. Уж он к ней и так и эдак, а она ни в какую. Потом Андрей обратился он к Мохире:

— Тетя Мохира, вы не подумайте, я жениться хочу. Посватаюсь, или как там у вас полагается. Люблю я вашу дочь.

Мохира ответила, что не возражает, но вряд ли Исти захочет, она очень Саида любила, мужа своего. Андрей воспрял духом. Если мать не против, уже хорошо. И парень стал ухаживать за Исти, как только мог. То бидон тяжёлый поможет поднять, то кормов свежих ей первой подвезёт, то стойло убрать возьмётся. Исти к себе близко не подпускала, но начала с Андреем здороваться и разговаривать коротко, на вопросы отвечать. А уж когда вдруг улыбалась, то Андрей был на седьмом небе от счастья.

Но вот однажды Исти не вышла на работу. Андрей к Мохире, она молчала, не отвечала на его вопросы. И на следующий день Исти не появилась, а слух пошёл по деревне, что вообще уехала, нет ее в посёлке. Загрустил Андрей, к Мохире с расспросами каждый день подходил. Только Мохира отвечала коротко:

— Уехала по делам, скоро вернётся.

Прошло два месяца, Исти не приехала. Мохира стала чернее тучи, мальчишки присмирели, на улицу почти не показывались, с ребятами не играли, все больше дома сидели, только в школу ходили.

В тот день, когда Мохира появилась на пороге у Таси, она не очень хорошо себя чувствовала. Болела голова, словно железный штырь вставили в правый висок, да ещё и обручем скрепили. Боль разрывала глаза. Мохира спросила разрешения войти. Тася пригласила гостью.

Таджичка пожаловала не с пустыми руками. Давно шла слава по деревне о том, какие необычные пирожки она печёт и как чудно их называет — самса. Вот и Тасе довелось попробовать.

Никогда раньше Тася не общалась с таджиками и не знала, как принято у них встречать гостей, поэтому приняла по-своему, пригласила к столу, чай поставила кипятить, на стол мёд и варенье выложила из буфета.

Только женщина села на стул и расплакалась горько. Поняла Тася, что не в гости она пришла, и не чай распивать. Временами переходя от волнения на таджикский язык, сообщила Мохира, что в помощи она нуждается, и рассказала свою историю.

Жили они большим семейством в небольшом горном поселке (кишлаке) в горах Таджикистана. Хорошо жили, даже богато. Баранов много держали, кур, корова была и огород огромный.

У Мохиры было четыре сына и дочь Исти. Дочку рано замуж отдали, так принято, шестнадцать лет ей всего было, за хорошего соседского парня Саида. Родились у них мальчишки.

Только война началась, и мужчины их все в горы ушли. Мохира многозначительно замолчала.

— Так это что ж получается? Ваши мужчины против наших войск воевали? — строго спросила Тася.

Мохира склонила голову, давая понять, что целительница все правильно понимает.

— Продолжай, — сухо сказала Таисья, — в чем ко мне твой вопрос?

— Мой муж и два сына погибли, а два других сына перешли на афганскую сторону, и Саид с ними. В посёлке стало опасно нам оставаться, вот и стали потихоньку пробираться в глубь страны. Много разных мест сменили, всего боялись, но потом немного отошли, стали жить по-настоящему. В вашей деревне нам очень хорошо, потому что совсем далеко. Наверное, здесь и останемся, решили мы тогда с Исти. Только два месяца назад получила она вдруг весточку от Саида. Муж пригласил ее встретиться. Сюда ему ходу нет, а Исти туда не хотела, боялась очень. Он предложил встретиться в Бахрейне, прислал денег на билет, и уехала доченька моя. Я была категорически против, но разве ее удержишь. Поеду и все, сказала. Андрей, хороший парень, стал за ней ухаживать. Присмотрись, я ей говорила. Она так обрадовалась, что я его ухаживания одобрила, и уже взаимностью готова была ему ответить, а тут письмо это неожиданно. Нельзя у нас мужа не послушаться, вот и поехала.

С тех пор ничего не знаю я о дочери своей. Жива ли, нет ли? Не могла она мальчиков бросить. Любит она их очень, и они ждут ее. Изболелось сердце мое, не знаю, что думать. Должна была через десять дней приехать, а до сих пор ни слуху, ни духу. Помогите, Таисия, если сможете. Люди говорят, что вы можете многое. Может и про мою дочь скажете?

Таисья ничего не ответив, поднялась, давая понять, что аудиенция окончена. Голова от рассказа несчастной женщины разболелась еще сильнее.

— Сегодня ничего не смогу вам сказать. Пока идите домой. Не здорова я, — призналась целительница.

Бедная Мохира ушла в смятении. Тасе тоже было нелегко.

С одной стороны ей было жалко эту простую женщину. Она всего лишь навсего мать, хотела быть счастливой, и спокойно жить на своей родине. Она была вне политики, Тася сразу это поняла. Но жизнь поставила всё на другие места. Горе пришло в дом, большая беда. Война. Потеряла мать своих детей и мужа.

Но Тасе было очень неприятно, что оружие ее детей было направлено против ребят, которые жили в поселке, в других российских городах. Сколько их погибло? И продолжают гибнуть. То там, то там идёт война.

Тем не менее она все-таки решила помочь Мохире.

Настроилась Тася как обычно это делала и тут же увидела картину. Исти за решеткой. Тюрьма? Вокруг только женщины. Каждую из них забирают время от времени на ночь. «Сексуальное рабство», — ужаснулась Тася.

Но как она туда попала, ведь она ехала к мужу?

Следующее видение было про мужа. Лежит окровавленный, погиб давно уж. В Бахрейн не он позвал Исти. Обманом выманили. Кто и зачем? Неизвестно. Это не было показано.

А следующее видение показывало Исти уже в Заречном. Да не одна она вернется, но как такое сказать Мохире? Как она это воспримет?

На следующее утро Тася отправилась к Мохире.

— Жива твоя дочь, — сразу же обрадовала она женщину.

Мохира вскинула лицо на Тасю, в порыве схватила её руки и стала целовать.

— Ну что ты, — Таисия мягко отстранила женщину, — Скоро домой приедет. Только, — Тася помолчала немного, — ну да ладно. Сама все узнаешь!

— Говори, все говори, — взмолилась Мохира, — я много горя видела. Я детей уже хоронила. Про двоих других даже, видишь, и не спрашивала у тебя. Не жильцы они, понимаю я это. Война там страшная, подлая война идёт. Дочь у меня только осталась и внуки мои. За них вся душа моя болит. Почему так в жизни сложилось? Не хотела я, чтобы мои дети убийцами были, и не думала, что оружие в руки возьмут. Но вот как оно все вышло, — и женщина горько заплакала.

— Мохира, все будет хорошо, — успокоила Тася бедную женщину, — Исти жива и приедет скоро. Прими ее, и ничего не спрашивай. Не расскажет она все-равно, и не надо знать тебе.

Часть2

С того дня Мохира успокоилась, снова стала позволять мальчикам выходить на улицу и играть с ребятами. Андрей каждый день спрашивал про Исти, нет ли от неё какой-то весточки. Мохире нравился этот парень, но она не могла его ничем порадовать.

А однажды он признался ей:

— Все время думаю о ней. Давно с ребятами пиво не пил, хотя раньше каждую пятницу собирались. Зовут они, а я не иду. Снится она мне каждую ночь, словно помощи просит, а вчера попросила за пацанами присмотреть. К чему бы это?

Мохира пожала плечами. Не открыла секрета своего, что к Тасе ходила.

А в ту же ночь проснулся Андрей от стука в окошко, то Мохира стояла, согнувшись в три погибли. Выскочил Андрей во двор в одних трусах и босиком. Женщина к нему в руки без чувств упала. Уложил он ее у себя в комнате на диван, а сам к фельдшеру помчался. Разбудил Настасью Михайловну криками:

— Быстрее, быстрее. Мохире плохо. Умирает.

Наталья осмотрела больную.

— Думаю аппендицит у неё. Живот болезненный, горит вся. Давайте-ка в город.

Андрей сон свой тут же вспомнил. Одни ж пацанята остались, проснутся утром, бабушки нет, испугаются.

— Вот что, Андрей. Ты с мальчишками оставайся. Я сама ее отвезу, все хорошо будет. А ты завтра приедешь в город, все узнаешь, медлить нельзя, — сказала Наталья.

Андрей пошел в дом к Мохире, покемарил до утра.

Мальчишки проснулись, испугались. Сначала мать исчезла, теперь вот и бабушки нет, и ну слёзы лить. Но Андрей все объяснил им по-взрослому и предложил:

— А давайте позавтракаем и в город, бабушку навестим. Все хорошо с ней будет, обещаю.

Отпросился на работе на день и в город с ребятами поехал. В больнице узнали, что операция была тяжёлая. Лопнул аппендикс у Мохиры. Но сейчас уже опасность позади, операция прошла успешно, пришла в себя женщина. Реабилитация будет долгой, тяжело работать больше нельзя.

В палату доктор не позволил войти, сказал только завтра можно будет повидаться. Ребята сначала заревели, услышав, что биби (бабушка по-таджикски) нельзя увидеть, но Андрей их быстро успокоил, сказавши, что завтра обязательно приедут, и биби их с улыбкой встретит.

Мохира пролежала в больнице почти месяц. После операции осложнения начались, но она рвалась домой. Очень за внуков переживала, но совершенно напрасно. Андрей забрал их к себе домой и вызвал из района свою мать.

Она присматривала за ними днём, а вечером и в выходные Андрей очень хорошо возился с мальчишками. За этот месяц они так привыкли друг к другу, что Андрей даже скучал по ним, находясь на работе.

Особенно к нему привязался младший Иркин. Такой хороший ласковый мальчишка. Данияр был постарше, поэтому держался построже, но тоже было заметно, что Андрей ему очень нравится.

Мать Андрея не могла нарадоваться на пацанов. Хорошо кушали, помогали по хозяйству и очень уважительно разговаривали с ней. Она удивлялась — руку к сердцу прижимают, кланяются, выходя из-за стола. Потихоньку ее «биби Оля» между собой стали называть.

Когда Андрей привёз Мохиру домой, то он практически был одной семьей с ее внуками.

Ах, как они обрадовались, кинулись к биби обниматься, и наперебой стали рассказывать, какой Андрей добрый, как они хорошо жили, а русская биби вкусные блинчики и пирожки пекла.

Мохира расплакалась, обняла своих внучат, а потом обернулась к матери Андрея, поклонилась:

— Спасибо тебе, что смотрела за моими внуками! И тебя, Андрей, от всего сердца благодарю, — и обратилась к ребятам, — пойдёмте домой.

Но тут выступил Андрей:

— Нет, — твёрдо сказал он, — врач сказал ещё месяц никакой тяжёлой работы. А за детьми ухаживать надо. Да и за вами, — тепло улыбнулся он, — здесь пока побудете. И мама тоже останется, мы уже все решили, ее помощь нам нужна, я на ферме день и ночь.

— Благодарю тебя, сынок, — Мохира горячо обняла парня.

На работу Мохира вышла только перед Новым годом, но к себе в дом Андрей их не отпустил все равно. Печь топить надо, не было газа у них, воду таскать со двора. Тяжело это пока для неё было. На ферме и то работу полегче дали.

А однажды снова сон Андрею приснился. Бредёт Исти по снегу босая, обессиленная, какую-то ношу за собой тащит, вроде лёгкую, а вроде и тяжёлую, помощи просит, но когда Андрей порывается ей помочь, исчезает она — не принимает помощь.

Прасковья Девятова в то утро решила в город съездить — дочь со своей семьей давно уж переехала в районный центр, чтобы сыну ближе было у врачей наблюдаться. Так вот решила Прасковья погостить перед Новым годом у дочери с недельку. Вышла из дома, почти дошла до остановки, видит Исти сидит на скамейке и плачет горько.

Прасковья к ней кинулась:

— Истиша, мать уж заждалась тебя. Где ж ты была так долго?

— Тетя Паша, а где ж мама-то моя, ребята мои где? Как они? Дом холодный, не живут в нем, — Исти зарыдала пуще прежнего.

— Да что ты, милая, все хорошо у них. Пойдём я тебя провожу. У Андрея они.

— Как у Андрея? У Чебаторева? Почему у него? — Исти ничего не понимала.

По дороге к дому Андрея Прасковья все рассказала Исти. Ничего не утаила.

Рано утром в доме Андрея раздался тихий стук. Андрей моментально вскочил, он как будто почувствовал, что это Исти пришла. На пороге стояла она — его мечта, его боль, его единственная, горячо любимая им женщина.

Дети, Мохира, Ольга — все выскочили. Что тут началось. Все целуются, обнимаются, плачут. Русская речь перемешалась с таджикской. Все кричали и плакали одновременно.

— Дочка, раздевайся, расскажи все! Где ж ты пропадала так долго? — тормошила мать Исти.

— Мама, пойдёмте домой, — Исти не хотела снимать с себя свой непонятный балахон.

— Что за одежда у тебя? Где твои вещи? Почему с пустыми руками? На чем ты приехала? — вопросов у матери было очень много.

Но Исти рвалась домой.

— Исти, — выступил Андрей, сердце его замирало от любви и от тоски, он видел, что она смотрит на него как на пустое место. Он умирал от любви, он хотел ее обнять, прижать к себе, исцеловать всю, рассказать ей, как он страдал и как он ждал ее.

— Исти, — повторил Андрей, — ваш дом давно не топлен, оставайся пока у нас, раздевайся, а я пойду протоплю избу.

Мать подскочила к Исти и насильно сняла ее верхнюю одежду. Мир рухнул внутри Андрея, Исти была беременна.

— Дочка, ты беременна? Когда рожать тебе? Как же так? А Саид? Он где? — у матери снова появилось очень много новых вопросов. Но вдруг Мохира четко вспомнила, что сказала Тася: «Прими ее и ничего не спрашивай! Не расскажет она все-равно!»

В тот же вечер Мохира с Исти и с детьми ушли в свой дом.

Когда за ними закрылась дверь, Андрей упал на диван, и, не сдерживаясь, зарыдал надрывно.

Мать присела рядом:

— Андрюша, сынок, было двое, а теперь трое детей. И видно с мужем-то все хорошо у неё. Видать навоюется и приедет. Забыть тебе ее надо. Мужняя жена.

Но через три дня Мохира пришла вечером к Ольге.

— Оля, поговорить с тобой хочу. Про детей наших. Долго думала я, не знала, как поступить. Трое детей у Исти, но я знаю, что любит Андрей ее! Мучается он, вижу я. Избегать стал меня на ферме. Понимаю, потому и не обижаюсь.

В тот день, когда ушли мы от вас, ничего я не спрашивала у дочери. А на следующий день она мне сама сказала: «Нет больше Саида, вдова я, только ничего не спрашивай, не надо тебе знать, ничего не скажу». Она слово в слово повторила то, что мне деревенская целительница сказала.

Оля, если важно это для Андрея, то свободна Исти. Мальчики скучают по нему. Все уши Исти прожужжали, какой Андрей хороший, и как они его любят.

В тот же вечер мать рассказала все Андрею, радости парня не было предела.

— Сынок, трое детей! Подумай! Не остановит тебя это?

— Нет, мама! Меня б и четверо, и пятеро не остановило. Люблю я ее. Вот как увидел, сразу понял — не жить мне без неё, не дышать.

Исти родила чудную смуглую девочку восьмого марта. В самый разгар праздника ей вдруг стало плохо.

— Истиша, давай-ка в роддом, — встревожился Андрей.

— Как назовёте дочку, папаша? — подмигнула медсестра, передавая ребёнка Андрею.

Он отвернул уголок одеяла, чуть помедлил и ответил:

— Чеботарева Саида Андреевна.

Такой путь

Часть 1

Матвей, Алешка и Степка были закадычными друзьями. Учились в одном классе, и в армию их в один год призвали.

— Ну вот уже и служить, — тоскливо протянул Алешка, — а я и водки-то не попробовал, да и бабу настоящую не щупал.

— Да хорош врать-то, — оборвал Матвей, — а кто весь десятый класс с Наташкой обжимался.

— И все на этом, — отрезал Алешка, — я тебе говорю с ба-бой, — по слогам произнёс он, — а ты мне Наташку поминаешь. Тьфу, малявка.

Степка, улыбаясь, слушал перепалку своих друзей и вдруг выпалил:

— Знаю, где самогоном разжиться можно. Я у тетки Авдотьи выпрошу, у неё есть, я видел, что ж зря я ей дрова колю сызмальства? — хохотнул Степан.

Ребята заинтересованно сгрудились вокруг него и стали спрашивать наперебой:

— А даст она тебе? А матери не растрезвонит? А сколько даст? А когда спросишь?

— Да сейчас и пойду.

Пацаны одобрительно загудели.

Через пятнадцать минут Степан стоял во дворе тетки Авдотьи. Впрочем, не такой уж и тетки.

Была это ладно сложенная, сбитая, крепкая баба, с длинной, толстой, русой косой. Было ей лет сорок, не больше. Семьи у неё не было, как-то не сложилось.

За ровесника ей не хотелось, а парней постарше на войне поубивало: в 1945 году было Дусе восемнадцать лет. Взрослым бабам мужиков не хватало, а уж таким как Авдотья и подавно.

Степан канючил самогонки, Авдотья артачилась.

— Ну, тетя Дуся, ну дай выпить-то нам. В армию нас забирают. На той неделе уже уедем, а мы ещё и нюхом не нюхали. В армии точно не дадут выпить, а нам охота. Ну дай хоть немного.

Авдотья подбоченясь глядела на парня:

— Ишь, чего удумали! Если не нюхали, с чего охота? Сказала, не дам, не проси. Как мне матери-то твоей в глаза потом смотреть? Нет и нет. Уходи. Малины хошь? Вот ее дам, — загоготала Авдотья.

— Да не узнаёт мама ничего. Ты немножко дай. Я что тебе зря гору дров за всю жизнь переколол?

— Ах ты ирод, — Дуся сняла фартук с веревки и огрела парня по спине, — ты что ж забыл, сколько я тебе за те дрова яиц переносила да сметанки? Забыл, как за обе щеки уплетал-то? Вот я тебе сейчас, — и Авдотья снова замахнулась на Степана. Но тот, увернувшись, улизнул со двора.

Ребята, завидев друга с пустыми руками, расстроились.

— Эх ты, Степа-недотепа! Даст, даст! — передразнили они его.

Степану было очень обидно. Не столько от Дусиного отказа, сколько от насмешек ребят.

— Будет вам самогон!

Ребята покатились со смеху.

— Опять! Да хватит уж, Степашка. Не смеши.

— Сказал будет, значит будет. Знаю я, где она его хранит. Ложится рано, спит как убитая. Залезем и возьмём сами.

Парни посмотрели на него как на полоумного.

— Э, ты че? Сбрендил?

— А ни хрена! Своё возьму. Я ей че за сметану, штоль, всю жизнь хрячу? «Степушка, помоги! Степушка, подсоби!»— передразнил он тетку писклявым голосом. Ребята так и покатились со смеху.

— Пойдёте со мной? — спросил он друзей.

— А то как же! — ответил Матвей за себя и за друга.

В девять часов вечера ребята, крадучись, подошли к Дуськиному дому. Степан впереди.

Матвей выдавил стекло в сенях, легко влезли в образовавшийся лаз. В правом углу под столом стояла огромная бутыль.

В тот вечер Авдотья легла позже обычного, дочитывала книгу. Страсть, как любила читать, а тут книжка подвернулась по случаю. Морис Дрюон.

Ох, и интересно ж там, в той Франции, короли жили. Но ближе к девяти Дусю стал рубить сон. Шутка ли, в полпятого встала. Хозяйство требует трудолюбия и усердия. Только до подушки коснулась и захрапела тоненько.

И приснился ей сон, будто пришёл к ней домовой, и ну все крушить. Проснулась она от грохота, который раздался в сенях. Вскочила, сердце бешено колотилось. Вроде все стихло. Нет, опять завозились в сенях.

Ни жива, ни мертва баба на цыпочках свет пошла включать, а нет электричества. Воры предусмотрительно выкрутили пробки.

Схватила Авдотья фонарик и тихонько дверь в сени приоткрыла. А там банда орудует. Всех узнала: Матвея, Лешку. И что обиднее всего, во главе со Степаном банда. Заорала Дуся:

— Ах вы ироды, чего уду... — да только застряло слово в горле, потому что Матвей, самый здоровый, подскочил, рот ей закрыл и повалил на пол.

Дуся отбивалась, брыкалась, но все без толку. Ночная сорочка в кучу сбилась, и увидели парни все ее добро женское, потому что привыкла Дуся без белья спать.

К тому времени они уже выпили изрядную порцию из бутыля, свежий хмель в голову и ударил.

Вспомнил Алешка, как только сегодня жаловался ребятам, что бабы не было у него. Вот она баба-то лежит, готовая к употреблению. Он к ней наклонился и в ухо прошептал:

— А что, тетка Авдотья давно ли у тебя мужика не было, да такого молодого как я? Да ладного такого. Смотри, какой ладный-то у меня!

Авдотья замычала, вырываться стала. Только Матвей вмиг все понял. Не слепой, все увидел. Фонарь Дусин тоже горит. Схватили ее за ноги, а Алешка громким шёпотом заорал:

— Степан, будешь первым? Твоя добыча.

Степа обомлел, слёзы хлынули из глаз вмиг, все детство пронеслось перед глазами. Как Авдотья нянчит его, как малиной подкармливает, а вот заболел он, так она доктора из города привезла. Отец на уборочной был.

— Не надо, ребята, — заорал он, — оставьте ее. Не за этим же пришли.

Но Алешка, махнув рукой на друга, уже делал своё дело. А Матвей вскочил и двинул Степану в глаз.

— Молчи, недотепа. Сам не можешь, нам не мешай.

Следующий был Матвей. Авдотья извивалась под его не по годам тяжелым телом. Кляп ей какой-то в рот вставили: грязную, вонючую тряпку с пола подобрали.

Теперь Алешка держал, а Матвей насиловал. А Степан продолжал орать:

— Не надо! Перестаньте. Прости, тетя Дуся. Прости меня.

Когда дело было сделано, стали они над Степаном смеяться:

— Ты что ж, не мужик? А ну, давай покажи. Да у тебя там не выросло поди ещё ничего. Эх ты! Недотепа!

Дуся лежала на полу, почти без сознания. Уже никто не держал ее, а сил встать и кричать совсем не было.

В голове стучало: «Как же так? Как же так? Степа… Степушка! Как же ты, а?»

Ребята выпили ещё из бутыля. Матвей склонился над Авдотьей:

— Смотри у меня. Скажешь кому — приду и убью тебя ночью.

Часть 2

Мать Степана, Ульяна, встала, как обычно, в пять утра. Корову подоить, на огороде дел много, да и вообще многолетняя привычка — подниматься чуть свет. Даже в выходные не позволяла себе поваляться подольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.